

УДК 342.4:327(61)

DOI: 10.31249/kgt/2026.01.10

Отражение темы «Единство Магриба» в конституционных текстах государств региона

Евгения Николаевна ФУРСОВА

кандидат исторических наук, член экспертного совета

Научно-аналитический портал «Восточная трибуна»

Гусятников пер., д. 4, стр. 3, оф. 1, г. Москва, Российская Федерация, 101000

E-mail: masr@mail.ru

ORCID: 0009-0009-3300-2380

ЦИТИРОВАНИЕ: Фурсова Е.Н. Отражение темы «Единство Магриба» в конституционных текстах государств региона // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2026. Т. 19. № 1. С. 179–195. DOI: 10.31249/kgt/2026.01.10

Статья поступила в редакцию 07.01.2026.

Исправленный текст представлен 14.04.2026.

АННОТАЦИЯ. В статье исследуется конституционное измерение идеи единства Магриба как ключ к пониманию современных вызовов региональной интеграции. Несмотря на декларативное стремление к единству, закрепленное в учредительном договоре Союза Арабского Магриба (САМ), его институциональное развитие находится в состоянии длительного застоя. Автор предлагает аналитический подход, фокусирующийся на эволюции конституций Марокко, Алжира, Туниса, Ливии и Мавритании как индикаторов идеологических и стратегических приоритетов государств. Сравнительный анализ выявляет неоднозначность восприятия общей идентичности. Концепция «Великого Магриба» предстает элементом политического дискурса, а не безусловной основой солидарности. Ее активное конституционное закрепление характерно для Алжира

и Марокко, что объясняется их соперничеством и внутренними факторами. В других странах региона она представлена сдержанно или отсутствует, что трактуется как дистанцирование от амбиций более сильных соседей. Итоговый вывод указывает, что эволюция конституционных формулировок отражает не только диверсификацию стратегий стран Магриба, но и фундаментальный идеологический разрыв между ними, а также преднамеренное дистанцирование национальных идентичностей. Подлинная региональная консолидация остается невозможной без преодоления как этих глубинных противоречий, так и ключевого системного барьера – конфликта вокруг Западной Сахары, предпосылок для разрешения которого пока не наблюдается. В обозримой перспективе взаимодействие, вероятно, будет развиваться в рамках прагматичного,

проблемно ориентированного формата, а не через реализацию масштабных наднациональных проектов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *единство Магриба, региональная магрибская интеграция, концепция «Великого (арабского) Магриба», конституции государств Магриба, Союз Арабского Магриба.*

Идея региональной интеграции и солидарности на протяжении десятилетий занимает значимое место в политическом дискурсе государств Северной Африки. Тем не менее попытки реализации успешного интеграционного проекта в рамках региона остаются безуспешными. Так, реальная практическая деятельность институциональных структур Союза Арабского Магриба¹, учрежденного в 1989 г., фактически парализована, что обусловлено главным образом глубокими политическими противоречиями между его ключевыми участниками, усугубленными структурными особенностями их экономики.

В данном контексте актуальность и научный интерес настоящего исследования определяются тем, что отношение к концепции «магрибского единства» находит динамичное и противоречивое отражение в текстах конституций стран региона: Марокко, Алжира, Туниса, Ливии и Мавритании. В системе правовых актов любого государства Конституция занимает особое иерархическое положение, обладая не только высшей юридической силой, но и выполняя важную символическую функцию. Она

закрепляет исторические ориентиры, создает образ желаемого политического будущего и служит ценностно-мировоззренческой опорой для граждан. Вместе с тем Основной закон является прямым отражением текущей политической конъюнктуры, фиксируя доминирующие в определенный период идеологические установки и приоритеты государственной политики.

В этом контексте целесообразным видится изучение интерпретации темы регионального единства в конституционных текстах стран Северной Африки. Мы предлагаем проследить эволюцию отражения в них концепции «Великого Магриба»² как единого исторического и политического пространства, а также проанализировать историю зарождения и развития этой объединяющей идеи в новейшее время. На примере соответствующих правовых документов мы рассмотрим, как менялось отношение к концепции историко-цивилизационной целостности региона в зависимости от внутренней политической конъюнктуры и внешнеполитического вектора развития каждой страны.

Помимо решения эмпирической задачи исследования, мы исходим из того, что понимание расхождения между конституционно закрепленными идеалами, их эволюцией и политической реальностью позволит нам дать более взвешенную оценку перспективам развития региона как единого целого и потенциалу для будущего сотрудничества.

Пожалуй, первые проявления стремления к региональному союзу можно

1 Магриб (араб. *аль-магриб* – место, где заходит солнце; запад) означает западную часть арабского мира в противоположность Машрику (араб. *аль-машрик* – место, где восходит солнце; восток) – его восточной части. Средневековые арабские географы и историки называли Магрибом земли, расположенные в Северной Африке к западу от Аравийского полуострова и Египта. К Магрибу изначально относили земли современных Алжира, Туниса, Марокко и Ливии, которые в VII–VIII вв. были включены в состав централизованного арабо-мусульманского государства.

2 В новейшее время для обозначения региона Северной Африки – Магриба (арабского запада) в арабском языке существуют термины «аль-магриб аль-‘араби» (арабский Магриб) и «аль-магриб аль-кабир» (Большой, или Великий Магриб). В него входят Мавритания, Марокко (с Западной Сахарой), Алжир, Тунис и Ливия.

отнести к периоду борьбы за независимость. Тогда, в 1948 г., в Каире был учрежден Комитет по освобождению Магриба, куда вошли Марокко, Алжир и Тунис. Проект создания регионального объединения «Великий Арабский Магриб» был впервые публично озвучен королем Марокко Мухаммедом V и премьер-министром Туниса Хабибом Бургибой в 1956 г., сразу после получения двумя государствами независимости.

Важно отметить, что эта идея имела давние исторические корни и была основана на том, что в судьбах народов региона много схожего, что позволяет говорить о Магрибе как о субрегиональной общности³. При этом следует подчеркнуть, что изначально идея единства стран Магриба, обсуждавшаяся ими еще до обретения независимости, подразумевала объединение лишь трех народов Северной Африки, а именно Туниса, Алжира и Марокко. Об этом, в частности, писал в 1946 г. лидер партии «Дустур», будущий президент Туниса Х. Бургиба в письме лидеру Демократического союза алжирского манифеста Ф. Аббасу, а также заявлял в мае 1947 г. один из вождей национально-освободительной борьбы Марокко, руководитель Рифского восстания 1921–1926 гг. эмир Абд эль-Керим [Ковтунов, 1998, с. 7].

Ливия и Мавритания присоединились к этому процессу значительно позже – в 1960-х и 1970-х годах соответственно. Как справедливо отмечал известный российский востоковед Р.Г. Ланда, ни исторически, ни географически, ни по своим природным особенностям эти страны (Ливия и Мавритания) в собственно Магриб не входят. Они присоединились к нему относительно недавно по политическим и экономическим причинам, представляя со-

бой либо переход от Магриба к Египту (Ливия), либо к Тропической Африке (Мавритании) [Ланда, 1991, с. 4].

Этот тезис наглядно подтверждается тем, что упоминание о Великом Магрибе присутствует уже в самых первых текстах конституций Туниса (1959), Марокко (1962) и Алжира (1963), тогда как в формулировках базового нормативного акта Мавритании оно появилось только в редакции 1991 г. Что касается Ливии, то ни в одной из редакций конституционных документов этого государства Магриб как общее историческое пространство не упоминается вовсе.

Примечательно, что в первых версиях конституций североафриканских стран Марокко провозглашалось частью «Великого Магриба», Алжир – «Арабского Магриба», а Тунис – «Великого Арабского Магриба». Эти на первый взгляд терминологические нюансы могли бы считаться второстепенными, однако их неоднократная и целенаправленная корректировка в последующих редакциях основных законов позволяет рассматривать данные смысловые маркеры как своего рода политический индикатор. Он отражает сохраняющиеся глубинные идейно-политические расхождения между североафриканскими государствами в вопросах национальной идентичности, определении приоритетов региональной интеграции и выборе долгосрочных геополитических ориентиров.

Уже в самых первых редакциях конституций мы наблюдаем различие в акцентах. Так, например, выбранная Марокко формулировка «Великий Магриб», в отличие от акцента на арабской идентичности у соседей, очевидно, отражает его особый путь национального строительства, основанный на истори-

3 Речь идет прежде всего о социокультурной, географической и исторической общности народов Магриба, где Марокко, Алжир и Тунис образуют историческое ядро региона, которое иногда называют Центральным Магрибом.

ческой и географической преемственности. Как представляется, будучи единственной страной региона, не входившей в состав Османской империи, Марокко таким образом апеллировало к автохтонной государственности, восходящей к древним берберским царствам региона (Мавритания, Нумидия) и местным династиям (Альморавидам, Альмохадам, Маринидам). Концепция «Великого Магриба», трактуемого как пространство от ал-Андалуса до Западной Африки, невольно отсылает к имперскому наследию XI–XIII вв. В первые годы после обретения независимости она, вероятно, служила двум ключевым целям: внешней и внутренней. Внешняя заключалась в обосновании особой региональной роли, которая должна была реализовываться через «мягкое влияние» в неарабоязычной Африке. Об этом, в частности, говорится в преамбуле Основного закона в редакциях 1962, 1972, 1992 гг., где в качестве одной из целей государства указано «достижение африканского единства», и в Конституции 2011 г., согласно которой Королевство обязуется «укреплять отношения сотрудничества и солидарности с народами и странами Африки, особенно со странами Сахеля и Сахары». Внутренняя же цель состояла в консолидации нации на инклюзивной, надэтнической основе, что позволяло уравновесить берберский и арабский культурные компоненты и дистанцироваться от идеологии панарабизма, находившейся в тот период на пике своего влияния на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Допустим также, что концепция «Великого Магриба» предполагала и геополитическую цель – утверждение лидерства Марокко в субрегионе, в том числе через продвижение своих экономических интересов в Сахаро-Сахельской зоне. Формулировка «Великий Магриб», символично охватывающая территории соседних Алжира и Туниса,

создавала историко-цивилизационный нарратив, в котором Марокко выступало в роли естественного политического и культурного ядра. Данная концепция, завуалированно постулировавшая региональные амбиции Королевства, предлагала тем самым альтернативную – монархическую – модель магрибской интеграции, которая конкурировала с проектами республиканских государств на севере континента.

В противовес этой парадигме первые версии конституций Туниса и Алжира включали идеологемы, подчеркивавшие их арабскую идентичность как ключевую («Великий Арабский Магриб» и «Арабский Магриб»). Главным образом это отражало идеологию панарабизма (особенно сильную в Алжире в 1960–1970-е годы), которая доминировала в региональной повестке в период деколонизации и служила легитимирующей основой для новых независимых республиканских режимов, противопоставлявших себя как колониальному прошлому, так и монархическому строю Марокко.

Анализируя дальнейшую эволюцию ключевых государственно-идеологических концепций в текстах основных законов государств Магриба, мы выделим периоды их сближения, обусловленные как прагматическими геополитическими и экономическими факторами, так и изменениями в раскладе сил в регионе. Так, наиболее ярким примером можно считать конец 1980-х – начало 1990-х годов, когда была предпринята попытка запуска проекта САМ.

Забегая вперед, отметим, что внешняя схожесть формулировок не отменяла глубоких различий в их трактовке и, скорее, выявляла новые линии идеологического размежевания, возникшие вследствие несовпадения представлений о собственной национальной идентичности и приоритетов региональной интеграции.

Так, в редакциях 1970 и 1972 гг. Конституции Марокко всё еще упоминается «Великий Магриб», тогда как в тексте 1992 г. он становится еще и «арабским». В статьях Основного закона 1996 г. термин «Великий Арабский Магриб» еще сохраняется, но уже в редакции 2011 г. (действует по н. в.) второе определение вновь пропадает.

В Конституции Алжира, принятой в 1976 г., упоминание о Магрибе исчезает вовсе. Однако возвращается в текст Основного закона 1989 г. в словах о том, что «Алжир... – неотъемлемая часть Великого Магриба». В таком виде эта фраза сохраняется до настоящего времени.

В случае с Тунисом практически во всех вариантах базового нормативного акта идеологема «Великий Арабский Магриб» оставалась неизменной.

Полагаем, что любая операция с данным концептом – его изменение, возвращение в текст или сохранение в устойчивой форме – неслучайна. Поскольку поправки в конституцию каждой страны Магриба вносились в разное время, они отражали текущие события и тенденции внешней и внутренней политики. Попробуем на конкретных примерах проследить, как менялись идеологические векторы развития ведущих государств региона, а также их политические и экономические приоритеты.

1992–2011 годы в Марокко были отмечены курсом на официальный национализм и арабизацию, что было связано с многочисленными внутренними и внешними угрозами. На эти вызовы монархия отвечала укреплением арабо-исламской идентичности в статусе основы легитимности. Подобными методами правящая династия Алауитов (1666 – н. в.) рассчитывала

усилить контроль над идеологическим пространством страны.

Она реагировала на тройной вызов: рост влияния исламистов, подъем берберского культурного движения (который получил международное измерение с созданием во Франции в 1995 г. Всемирного конгресса амазигов) и дестабилизирующие последствия гражданской войны в соседнем Алжире 1990-х годов.

Исламизм и движения политического ислама сформировались в странах Магриба в конце 1980-х – начале 1990-х годов в условиях социально-экономического кризиса. Заняв консервативную идеологическую нишу, активно продвигая образ Марокко как незыблемого арабо-мусульманского, шерифского королевства, монархия лишала исламистов монополии на «исламский проект» и ставила радикалов вне закона как врагов «истинного» государственного ислама. Эта риторика позволяла Махзену⁴ отводить обвинения в излишней прозападности, демонстрируя приверженность «коренным» ценностям. Таким образом, усиление идеи национализма с упором на арабизацию в 1992–2011 гг. было оборонительной и консолидирующей стратегией монархии, своего рода инструментом государственного строительства и контроля в переходный, нестабильный период. Соответственно, в редакции Конституции как 1992 г., так и 1996 г. появляется слово «арабский». Это указывало на принадлежность Марокко к арабской нации, приверженность идеям панарабизма, но главное – на стремление монархии сформировать государственную идентичность на основе исключительно арабо-мусульманских ценностей, дабы укрепить собственную легитимность

⁴ Данный термин широко используется в Марокко для обозначения государства или правительства. Здесь он употребляется для указания на институт королевской власти в целом.

на фоне внутренних вызовов и региональной нестабильности.

Еще одним таким вызовом, усилившим риторику арабизации, стало создание в 1995 г. во Франции Всемирного конгресса амазигов, которое придало «берберскому вопросу» трансграничный характер, что было воспринято официальным Рабатом как потенциальная угроза национальному суверенитету и возможный канал для внешнего вмешательства. В условиях сохранявшегося французского влияния в регионе берберский фактор объективно становился полем геополитического соперничества, что лишь подстегнуло политику арабизации, проводимую марокканской монархией [Silverstein, 2013].

Помимо этого, замена названия «Великий Магриб» определением «Великий Арабский Магриб» в Конституции 1992 г. было продиктовано стремлением к более широкой интеграции, как региональной, так и общеарабской. Мотивом послужило желание Рабата прервать длительный период изоляции на международной арене. Ее причиной стал главным образом конфликт в Западной Сахаре, из-за которого у Королевства обострились отношения не только с соседями, но даже с Африканским союзом и Лигой арабских государств. Дело в том, что в 1963 г. Марокко озвучило официальную позицию, объявив район неотъемлемой частью Королевства. Также в 1963 г. вспыхнул алжиро-марокканский пограничный конфликт, вошедший в историю как Песчаная война. Отметим, что оба противостояния имели не только политический, но и ресурсный аспект: спорные территории были богаты фосфатами и железной рудой [Lan, 2026; Miller, 2013]. В том же году Алжир инициировал сближение с Тунисом с целью помешать его возможному альянсу с Марокко и усилить изоляцию послед-

него, чему также способствовали дальнейшие события. К примеру, в 1975 г. Алжир с Ливией заключили оборонительный союз для противодействия Марокко на западносахарском направлении. Не последнюю роль в ослаблении геополитических позиций Марокко сыграла Организация африканского единства (ОАЕ, с 2009 г. – Африканский союз), практически с момента своего основания в 1963 г. выразившая солидарность с населением территории Западной Сахары. В 1984 г. Марокко пришлось выйти из ОАЕ в ответ на отказ исключить из организации принятую в 1982 г. Сахарскую Арабскую Демократическую Республику.

Можно сказать, что образование в 1989 г. Союза Арабского Магриба прежде всего ознаменовало для Марокко выход из многолетней региональной изоляции. При этом приоритетным направлением внешней политики всех стран-членов САМ было признано укрепление связей с арабскими государствами и межаарабскими объединениями. Нельзя не отметить, что позитивные изменения во взаимоотношениях магрибских соседей, наметившиеся в конце 1980-х годов, в определенной мере были результатом посреднических усилий арабских стран, а также воздействия устойчивой международной тенденции к мирному урегулированию региональных конфликтов [Подгорнова, 2016, с. 23].

Следует подчеркнуть, что на создание этого союза их подтолкнули всевозрастающие трудности внутриполитического (прежде всего социально-экономического) и внешнеполитического характера, устранить которые было возможно только совместными усилиями, сплотившись вокруг общих ценностей и целей, при этом арабская солидарность выступала духовно-культурным ориентиром [Зинин, 2017, с. 48].

Однако сами по себе социально-экономические трудности, подтолкнувшие страны региона к созданию САМ, не стали прочной основой для интеграции. Ключевая проблема заключалась в структурной несовместимости национальных экономик: исторически они сложились как конкурирующие, а не взаимодополняющие. Их экспорт ориентирован преимущественно на сырьевые товары и рынки Европейского союза, а не друг на друга. Как следствие, уровень внутрирегиональной торговли в Магрибе остается одним из самых низких в мире, не превышая 3–5% от общего товарооборота [Веселов, 2017]. В отсутствие естественных экономических стимулов для углубления сотрудничества интеграционный механизм оставался слабым, и политические разногласия лишь окончательно его заблокировали.

К 2011 г. многолетние протестные движения за культурные права берберов и признание официального статуса их языка привели к внесению существенных изменений в Основной закон. Конституция 2011 г. закрепила тамазигхт в качестве официального языка государства (наряду с арабским, который сохранил статус государственного), признала роль не только арабо-исламских, но и берберских (амазигских) и сахаро-хассанийских элементов в формировании национального единства, а также вернула первоначальную формулировку о принадлежности Королевства «Великому Магрибу». Таким образом, после «арабской весны» на фоне общей либерализации внутренней политики мы наблюдаем, с одной стороны, риторическое смягчение курса на арабизацию, с другой – символический разворот к марокканской, в том числе региональной, исторической идентичности, которая большей частью имеет берберские корни, что выразилось в конституционном

признании тамазигхта официальным языком, хотя и с отложенной имплементацией.

Что касается Алжира, то исчезновение упоминания о Магрибе в редакции Конституции 1976 г. и последующее его возвращение в 1989 г. также отражают внутреннюю эволюцию политической идентичности и внешнеполитических приоритетов этого государства.

Исследуемые нами смысловые маркеры в Основном законе Алжира, принятом в 1976 г., очевидно, стали отражением ситуации, когда зародившееся на рубеже 1950–1960-х годов сотрудничество между странами Магриба и стремление к единству постепенно (после победы алжирской национальной революции в 1962 г.) сменилось их соперничеством и тягой к региональному лидерству, усугубленными пограничными спорами.

Первым серьезным вооруженным столкновением стал алжиро-марокканский пограничный конфликт, случившийся всего месяц спустя после того, как 10 сентября 1963 г. была принята первая Конституция независимого Алжира. В 1975 г. начался затяжной кризис в Западной Сахаре, в который также были непосредственно вовлечены Марокко и Алжир. Таким образом, к 1976 г. отношения между двумя ведущими игроками на политической арене Магриба перешли в острую конфронтацию, чем, вполне вероятно, обусловлено исключение из текста Конституции Алжира в редакции 1976 г. упоминания о Магрибе как общем историческом пространстве. Во всяком случае, это лишний раз подтверждает, что вопрос о региональной интеграции в тот момент не стоял на повестке.

При президенте Хуари Бумедьене (фактически правил с 1965 по 1978 г.) международными и идеологическими ориентирами государства были курс на арабское единство, приверженность

социалистическим принципам и активное лидерство в Движении неприсоединения.

Конституция 1976 г. была принята в период максимального влияния прогрессистской, этатистской и антиимпериалистической идеологии. Таким образом, внешнеполитический фокус сместился на панарабизм и сотрудничество с другими революционными режимами, тогда как субрегиональная (магрибская) интеграция, вероятно, казалась алжирскому руководству слишком мелкой целью и грозила поставить страну в зависимость от Запада (учитывая прочную связь Королевства с США и ЕЭС). Кроме того, обострение конфликта вокруг Западной Сахары (после «Зеленого марша» 1975 г.) сделало идею «Великого Магриба» как зоны марокканского преимущественного влияния (легитимизируемого отсылками к непрерывной династийной имперской традиции) политически неприемлемой для Алжира. Упоминание термина «Магриб» могло восприниматься как уступка марокканской концепции. Напомним, что суть конфликта между соседями заключалась в том, что Алжир, будучи главным союзником и спонсором фронта ПОЛИСАРИО, последовательно выводил западносахарский вопрос на международную арену как проблему деколонизации и права народов на самоопределение. В случае с Марокко, напротив, речь идет о восстановлении исторической территориальной целостности, чьи корни уходят в имперское прошлое региона, прямой преемницей и хранительницей наследия которого позиционирует себя современная Алаутская монархия. С точки зрения Рабата, действия Алжира в западносахарском вопросе не отражали принципиальной позиции, а служили инструментом долгосрочной геополитической борьбы за доминирование в Магрибе. В этой

логике ресурсный потенциал Западной Сахары, о котором говорилось выше, выступал не объектом притязаний Алжира, а фактором усиления позиций Марокко, которое Алжир стремился сдерживать.

Ситуация меняется в 1989 г., когда в редакции алжирской Конституции, принятой 23 февраля, появляется фраза о том, что «Алжир <...> – неотъемлемая часть Великого Магриба». Возвращение идеологемы следует воспринимать как переход Алжира от доктринального панарабизма и социализма к прагматичному экономическому регионализму. К концу 1980-х годов экономический кризис и социальные протесты привели к отказу от жесткой социалистической доктрины, запустив процесс политической либерализации. В поисках новой, более прагматичной идеологической рамки государство обратилось к региональной повестке, что нашло прямое отражение в подписание в 1989 г. договора о создании Союза Арабского Магриба, куда вошли Алжир, Марокко, Тунис, Ливия и Мавритания. Возвращение в текст Конституции упоминания Магриба стало юридическим закреплением внешнеполитического разворота и демонстрацией приверженности региональному сотрудничеству. Этому также способствовало снижение накала конфликта с Марокко: к концу 1980-х годов прямые военные столкновения между государствами-соседями прекратились.

Вместе с тем, как представляется, на тот момент идея «Великого Магриба» была несколько деидеологизирована и переосмыслена в прагматичном ключе как экономически и политически необходимая для решения общих проблем (безопасность, миграция, торговля) в условиях глобализации, а не как культурно-исторический проект. Так, слово «неотъемлемая» подчеркивает не желаемую, а объективную,

историко-географическую принадлежность. Можно предположить также, что это противопоставляется марокканской трактовке лидерства. Признав себя частью Магриба, Алжир превращал эту концепцию из марокканского наследия в общий интеграционный проект.

Отказ от слова «арабский» можно связать с кризисом панарабизма, вызванным внутренними противоречиями 1970-х годов и практическим крахом проектов политического объединения [Barnett, 1998]. Среди примеров неудавшихся интеграционных союзов можно назвать Федерацию Арабских Республик (1972–1977) в составе Египта, Сирии и Ливии, а также Совет арабского сотрудничества (1989–1990), куда входили Египет, Ирак, Иордания и Йеменская Арабская Республика. Последний был создан как субрегиональный блок для государств, не вошедших в другие интеграционные структуры: Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ, учрежден в 1981 г.) и Союз Арабского Магриба (1989 г.). Само появление параллельных субрегиональных объединений свидетельствует о фрагментации арабского пространства: страны перешли от общеарабского единства к более узким блокам [Legrenzi, 2015]. К факторам, усилившим разногласия между арабскими странами, можно отнести также подписание Египтом мирного договора с Израилем в 1979 г. Кроме того, вооруженный конфликт между Ираном и Ираком, вспыхнувший в 1980 г., обнажил хрупкость стабильности и безопасности в регионе в целом [Ruan, 2009].

Главным же, на наш взгляд, триггером изменения курса стал глубокий внутривосточный и социально-экономический кризис, разразившийся в Алжире в октябре 1988 г. Этому кризису предшествовал комплекс внешних

и внутренних факторов. Во-первых, значительное снижение цен на нефть на мировом рынке в середине 1980-х годов существенно сократило алжирский бюджет, большую часть которого составляли доходы от экспорта энергоресурсов, и заставило власти ограничить социальные проекты, ранее успешно реализовавшиеся в рамках политики «социалистической ориентации». Во-вторых, в этот период пришелся пик «демографического бугра»: значительная часть населения – молодые люди до 30 лет – не имела достаточного количества рабочих мест, что провоцировало рост безработицы, снижение уровня жизни и, соответственно, социальные протесты [Lowi, 2009]. После жестоко подавленных массовых беспорядков, прокатившихся по стране, правительство осознало необходимость кардинальных реформ. Потому 23 февраля 1989 г. состоялся референдум, на котором была принята новая Конституция. Ее содержание указывало на то, что правительство избрало иной курс: в частности, отказалось от социалистической ориентации и начало переход к политическому плюрализму [Сапронова, 1999]. Важным внешним импульсом стал и отказ руководства СССР во второй половине 1980-х годов от прежнего курса: перестройка и последующая переориентация Москвы на Запад привели к свертыванию поддержки стран «социалистической ориентации», к числу которых принадлежал и Алжир [Ismael, 2004]. Так, в отличие от Конституции 1976 г., где Алжир определялся как «социалистическое государство», Основной закон 1989 г. исключил социалистическую доктрину из конституционных принципов, сохранив при этом неизменным официальное название страны – Алжирская Народная Демократическая Республика. Здесь важно отметить, что, поскольку арабский социализм был

глубоко интегрирован в арабский национализм и панарабскую идеологию, отказ от него фактически означал и отход от проекта создания объединенного арабского государства. Несмотря на то, что новая Конституция 1989 г. закрепляет за Алжиром статус «земли ислама» и «арабской страны» (так или иначе эти постулаты присутствуют во всех конституционных текстах региона), также вводится новое определение государства как «неотъемлемой части Великого Магриба», без намека на общеарабские идеалы.

Вероятно, не последнюю роль в этой идеологической трансформации сыграл и берберский фактор. Несмотря на то, что движение берберов за самоопределение и культурные права развернулось в полную силу, а впоследствии радикализировалось в Алжире в 1990-е годы, уже с 1980-х годов область Кабилии⁵ стала ареной протестных демонстраций, вызванных социально-экономической маргинализацией региона. Участники выступлений требовали прекратить политические репрессии, закрепить за берберским языком статус государственного, признать культуру и историю амазигов неотъемлемой частью алжирского национального наследия. Таким образом, формула «Великий Магриб» (без уточняющего определения «арабский») обладала большей гибкостью и лучше соответствовала задачам интеграции внутреннего берберского населения Алжира (кабилов, шауйя, мзабитов, туарегов и др.). Ее принятие запустило процесс пока еще символического признания и предоставления ограниченных культурных и языковых прав берберам, способствуя снижению напряженности в вопросах национальной идентичности.

В более широком контексте этот поворот к прагматичному регионализму в конце 1980-х годов был вызван не только внутривнутриполитическими кризисами, но и осознанием обеими странами общих экономических вызовов: падением цен на углеводороды в Алжире и угрозой экономике Марокко со стороны формирующегося единого европейского рынка [Hernando de Larramendi, Thieux, 2021]. Это создало основу для временного сближения, однако глубинное соперничество, в том числе за влияние в Африке (и особенно в Сахеле), сохранилось и впоследствии лишь усилилось по мере того как обе державы начали использовать экономические рычаги для продвижения своих позиций на континенте.

В рамках настоящего исследования эволюция идеологии «Великий Магриб» подробно прослежена на материале конституционных поправок двух ключевых государств региона – Марокко и Алжира, что обусловлено уникальной репрезентативностью материала, позволяющего провести детальный ретроспективный сравнительный анализ. Вместе с тем этот выбор методологически оправдан и с точки зрения геополитического веса двух стран, которые, по меткому определению марокканского экономиста и политика Фатхуллы Уал'алу, являются двумя полюсами Магриба, от взаимодействия которых в решающей степени зависят перспективы региональной интеграции [Chitour, 1995, p. 570].

Чтобы составить полную картину, обратимся к конституциям Туниса, Ливии и Мавритании и рассмотрим, как в них отражены концепции исторического единства и общего пространства. Подобное сравнение поможет выявить как тенденции, свойственные региону

5 Кабилия – преимущественно горный регион на севере Алжира, где проживает одна из крупнейших групп берберского (амазигского) народа, коренного населения Северной Африки – кабилов.

в целом, так и национальные особенности восприятия этой идеи.

Анализ конституционных текстов Туниса демонстрирует устойчивость формулировки о принадлежности к магрибскому ареалу: во всех редакциях Основного закона (1959, 1999, 2002, 2022 г.) неизменно присутствует положение о том, что Тунисская Республика является частью «Великого Арабского Магриба». Принципиальным исключением выступает Конституция 2014 г., где указанная дефиниция претерпевает смысловое сокращение: государство определяется как «часть Арабского Магриба». Здесь важно учитывать, что в тот исторический момент конституционный процесс в Тунисе протекал в контексте «арабской весны» – периода социально-политических потрясений, охвативших ряд государств Магриба и Ближнего Востока. Конституция 2014 г. явилась трудным компромиссом, к которому пришли ключевые политические силы переходного периода: правящая исламистская партия «Ан-Нахда», возглавлявшая правительственную коалицию, и блок светской оппозиции. Полагаем, что во время проведения конституционной реформы – когда тунисское общество сосредоточилось на переустройстве государственного управления, обеспечении гарантий представительства оппозиции, отстаивании исторических секулярных традиций и пр., – идеологемы, связанные с символами прошлого, были неуместны либо отошли на второй план. После революции 2011 г. новая Конституция была призвана стать прогрессивным законом, закладывающим основы современной демократии. Формула «Арабский Магриб» идеально соответствовала духу конституционного компромисса 2014 г. С одной стороны, она указывала на географическую принадлежность Туниса, а с другой – предлагала более гибкую, прагматич-

ную и инклюзивную модель региональной солидарности. Новая формулировка смещала акцент с реализации цивилизационного проекта на практическое сотрудничество с различными политическими силами.

Лучше всего о восприятии Тунисом идеи единого исторического пространства говорит прочно зафиксированное в Конституции определение «арабский». Даже с возвращением в редакцию 2022 г. формулы «Великий Арабский Магриб» (статья 7) преамбула последовательно выстраивает иерархию идентичностей: «Вдохновленные наследием нашей цивилизации <...>, базирующейся на основах нашей исламо-арабской идентичности <...>, стремясь укрепить нашу принадлежность к арабской и мусульманской нации <...>, стремясь укрепить единство Магриба в качестве шага по направлению к арабскому единству...».

Таким образом, принадлежность к «Великому Арабскому Магрибу», закрепленная в статье 7 Конституции 2022 г., предстает не изолированной целью, а связующим звеном в цепочке от национальной (региональной) идентичности к общеарабской и общеисламской общности. Преамбула, выполняющая роль идеологической декларации, помещает магрибское единство в более широкий контекст арабо-исламской солидарности.

В случае с Тунисом апелляция к определенной историко-культурной идентичности служит инструментом геополитического позиционирования, закрепляя его связь с арабоязычным миром и одновременно смещая акцент с локального (магрибского) на более широкий региональный уровень.

Особого внимания заслуживает также пример Ливии. Ее конституционную историю можно условно разделить на три этапа, отмеченные принципиальным разрывом преемственности. Приме-

чительно, что с формально-юридической точки зрения единственной Конституцией остается акт 1951 г., подписанный королем Идрисом ас-Сенуси после окончания периода британско-французского управления и образования независимого государства. С приходом к власти Муаммара Каддафи в 1969 г. эта Конституция была отменена, она уступила место идеологическим декларациям, а затем доктрине Зеленой книги. После свержения режима в 2011 г. процесс создания нового Основного закона зашел в тупик, так и не выйдя до сих пор за рамки подготовки переходного правового акта по причине затянувшегося политического кризиса.

Эта конституционная нестабильность, обусловленная историко-идеологическими разрывами, тем не менее рельефно выявляет ливийскую специфику: в отличие от соседей, так или иначе закрепивших принадлежность к Магрибу в своих основных законах, Ливия последовательно дистанцировалась от региональной идентичности в пользу панарабской. Даже географическая отсылка к Африке в Декларации 1969 г. («территория Ливии является частью Африки») не изменила этого вектора. Скорее, она обозначила более широкие – panaфриканские – амбиции нового режима. Политическая идентичность государства строилась не на региональном единстве, а на идее органичной связи с общеарабским пространством. Этот идеологический выбор в пользу панарабизма прослеживается на всех этапах: от Конституции 1951 г., провозглашавшей Королевство «частью арабского мира», до Декларации 1969 г., где ливийский народ объявлялся «частью арабской нации», а его высшей целью указывалось достижение «полного арабского единства от Персидского залива до Атлантического океана».

Учитывая трагический опыт гражданского конфликта и реальные риски распада государственности, который

пережила Ливия, региональная (магрибская) повестка едва ли станет идейной основой и ее будущей конституции. Центральной парадигмой, по всей видимости, будет задача внутренней консолидации – утверждение национального единства и безусловной территориальной целостности как антитезы преодолению кризису. Конституционный процесс будет вынужден сфокусироваться на объединении и воссоздании общего политического пространства, что оставляет вопросы региональной идентичности на периферии государственного строительства.

Положение Мавритании в контексте идеи «Великого Магриба» было особенно сложным. Сразу после обретения независимости в 1956 г. Марокко выдвинуло историко-этнические претензии на эту территорию, объявив ее своей южной провинцией. После провозглашения независимости Исламской Республики Мавритании в 1960 г. Рабат отказался ее признавать, препятствовал приему в ООН и заручился на первых порах поддержкой ряда арабских и африканских стран, включая Алжир. Однако к концу 1960-х годов, после легитимации Мавритании на международной арене и потери алжирской поддержки, Марокко было вынуждено пересмотреть свою позицию.

Установление дипломатических отношений между Марокко и Мавританией в 1970 г. ознаменовало конец долгого территориального спора. Этот опыт раннего конфликта и длительного непризнания со стороны потенциального регионального лидера внушил молодой республике крайнюю осторожность в отношении любых интеграционных проектов, инициированных Рабатом, включая идею «Великого Магриба». Вместо создания тесного союза мавританская политика была сосредото-

точена на защите суверенитета и поиске компромисса в определении своей национальной идентичности и внешнеполитического курса – между арабским Магрибом и западноафриканским пространством.

По этой причине конституционное закрепление идеологии «Великий Магриб», произошедшее в Мавритании относительно поздно, изначально отличалось взвешенностью и политической осторожностью. Основной закон 1991 г., в отличие от более ранних и однозначных формулировок соседних стран, помещает его в ряд других приоритетов. В преамбуле мавританский народ, определяя себя через множество идентичностей (мусульмане, африканцы, арабы), провозглашает стремление принадлежать сразу трем пространствам: Великому Магрибу, арабской нации и Африке. Таким образом, идея региональной магрибской интеграции уравнивается и даже отчасти растворяется в более широких – панарабизме и panaфриканизме, – что отражает осторожный внешнеполитический курс страны, сформированный ее непростой историей.

Заключение

Концепция «Великого Магриба», сформировавшаяся в период антиколониальной борьбы, имела глубокие исторические и социокультурные основания. Ее фундаментом стало осознание народами Северной Африки общности истории, языка, религии и колониальной судьбы. Стратегической целью было преодоление унаследованной от эпохи колониализма фрагментации для создания единого геополитического пространства, способного превратить регион из периферии арабского мира в независимый полюс влияния на мировой арене.

Однако эта амбициозная цель столкнулась с фундаментальными противо-

речиями. Ключевым препятствием стала разнородность политических систем и идеологических установок государств региона, а парализующим фактором – неразрешенный территориальный спор вокруг Западной Сахары. В результате проект интеграции был заблокирован, а регион сохранил фрагментированную структуру, основанную на принципах безусловного суверенитета.

Наше исследование показывает, что идея общего исторического пространства, отраженная в конституционных текстах, является не универсальной основой идентичности, а предметом политического выбора. Ее динамика наиболее явно прослеживается в Алжире и Марокко, чему способствует значительная берберская составляющая их населения, обеспечивающая внутренний отклик на идеологию «Великий Магриб». Данный фактор, наряду с соперничеством этих государств за лидерство в Магрибе и Сахаро-Сахельской зоне, в том числе за обладание ресурсами, объясняет сближение их конституционных формулировок в XX в. Напротив, в Тунисе, Ливии и Мавритании, где доля берберского населения невелика или замалчивается, концепция либо статично присутствует, либо сознательно не включается в текст основного закона. Государственные идеологии при этом ориентированы вовне, что можно рассматривать как своего рода оборонительную стратегию по отношению к историческим центрам региональной силы, чьи интеграционные проекты могут восприниматься как инструмент доминирования.

Таким образом, движение к подлинному региональному союзу наталкивается на фундаментальный идеологический и идентификационный разрыв, предпосылок для преодоления которого пока не наблюдается.

Выявленные закономерности позволяют представить наиболее вероятный

сценарий, описывающий будущую динамику региональных процессов. По всей видимости, в краткосрочной и среднесрочной перспективе интеграция в рамках Союза Арабского Магриба останется замороженной, а его институты – нефункциональными из-за продолжающейся конфронтации между Алжиром и Марокко, выступающими в качестве ключевых региональных акторов. Идея «магрибского единства» сохранится в политическом дискурсе и конституциях как дань общей истории, но без реального наполнения, тогда как фокус продолжит смещаться на двусторонние отношения и решение внутренних проблем.

В долгосрочной перспективе прорыв возможен лишь при кардинальном изменении условий, таком как разрешение конфликта в Западной Сахаре или появление новых элит, готовых поставить региональные выгоды выше националистических споров. Потенциал для сотрудничества может сохраняться на уровне гражданского общества и бизнеса, но без политической воли на высшем уровне он не выйдет за рамки локальных инициатив.

Следовательно, в обозримом будущем сотрудничество в Магрибе, вероятно, продолжит эволюционировать в рамках гибкой, разнотемпной и проблемно ориентированной модели, без реальной трансформации в амбициозный единый наднациональный проект.

Список литературы

Веселов А.Ю. О проблеме региональной интеграции в странах Магриба // Институт Ближнего Востока. – 2017. – 7 февраля. – URL: <https://www.iimes.ru/?p=32437> (дата обращения: 11.03.2026).

Зинин Ю.Н. Берберский фактор в Северной Африке: некоторые аспекты // Международная аналитика – 2017. – № 1. – С. 42–51. – DOI: 10.46272/2587-8476-2017-0-1-42-51.

Ковтунов А.Г. Проблемы интеграции стран Магриба (80-е – середина 90-х годов). – Москва : Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1998. – 194 с. – URL: http://book.iimes.su/wp-content/uploads/1998/r98reg_1.pdf (дата обращения: 07.01.2026).

Ланда Р.Г. От руин Карфагена до вершин Атласа. – Москва : Наука. ГРВЛ, 1991. – 163 с.

Новиков М.С., Новиков С.В. Колониальная политика Марокко и Мавритании в Западной Сахаре: геополитический и военный аспекты // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». – 2019. – № 4. – С. 35–44.

Подгорнова Н.П. Страны Магриба в поисках оптимального пути развития : Сб. ст. – Москва : Институт Ближнего Востока, 2016. – 234 с. – URL: <http://book.iimes.su/wp-content/uploads/main/281Podgornova2016.pdf> (дата обращения: 07.01.2026).

Сапронова М.А. Политический и конституционный процесс в Алжире (1989–1999). – Москва : Институт изучения Израиля и Ближнего Востока; Институт востоковедения РАН, 1999. – 165 с.

Barnett M.N. Dialogues in Arab Politics: Negotiations in Regional Order. – New York : Columbia University Press, 1998. – 376 p.

Chitour Ch.-E. La politique et le nouvel ordre petrolier international. – Alger : Editions Dahlab, 1995. – 597 p. – Фр. яз.

Hernando de Larramendi M., Thieux L. La rivalidad Argelia-Marruecos en un escenario en transformación. Afkar ideas: Revista trimestral para el diálogo entre el Magreb, España y Europa. – 2022. – N 67. – P. 38–41. – Исп. яз.

Ismael T.Y. The Communist Movement in the Arab World. 1st ed. – London : Routledge, 2004. – 224 p. – DOI: 10.4324/9780203312315.

Lan Y. Discord between 'Maghrebi brothers': Morocco-Algeria interstate

and intrastate conflicts, 1962–1964 // The Journal of North African Studies. – 2026. – Vol. 31, N 3. – P. 498–527. – DOI: 10.1080/13629387.2025.2505875.

Legrenzi M. The GCC and the International Relations of the Gulf: Diplomacy, Security and Economic Coordination in a Changing Middle East. – London : I.B. Tauris, 2015. – 204 p.

Lowi M.R. Oil Wealth and the Poverty of Politics: Algeria Compared. – Cambridge : Cambridge University Press, 2009. – 248 p.

Miller S.G. A History of Modern Morocco. – Cambridge : Cambridge University Press, 2013. – 306 p.

Ryan C.R. Inter-Arab Alliances: Regime Security and Jordanian Foreign Policy. – Gainesville : University Press of Florida, 2009. – 264 p.

Silverstein P.A. The pitfalls of transnational consciousness: Amazigh activism as a scalar dilemma // The Journal of North African Studies. – 2013. – Vol. 18, N 5. – P. 768–778.

DOI: 10.31249/kgt/2026.01.10

The Reflection of the Theme of “Unity of the Maghrib” in the Constitutional Texts of the States of the Region

Evgenia N. FURSOVA

PhD (History)

Member of the Expert Council

Scientific and Analytical Portal “The Eastern Tribune”

Gusyatnikov Lane, 4, Building 3, Office 1, Moscow, Russian Federation, 101000

E-mail: masr@mail.ru

ORCID: 0009-0009-3300-2380

CITATION: Fursova E.N. (2026). The Reflection of the Theme of “Unity of the Maghrib” in the Constitutional Texts of the States of the Region. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 19, no. 1, pp. 179–195 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2026.01.10

Received: 07.01.2026.

Revised: 14.04.2026.

ABSTRACT. *This article examines the constitutional dimension of the idea of “Maghreb unity” as a key to understanding contemporary challenges to regional integration. Despite the declarative commitment to unity enshrined in the founding treaty of the Arab Maghreb Union (1989),*

its institutional development has stagnated for a long time. The author proposes an analytical approach focusing on the evolution of the constitutions of Morocco, Algeria, Tunisia, Libya, and Mauritania as indicators of the ideological and strategic priorities of these states. A compar-

ative analysis reveals ambiguities in the perception of a common identity. The concept of the “Greater Maghreb” appears to be an element of political discourse rather than an unconditional basis for solidarity. Its active constitutional entrenchment is characteristic of Algeria and Morocco, which is explained by their rivalry and internal factors. In other countries of the region, its representation is restrained or absent, which is interpreted as a distancing from the ambitions of more powerful neighbors. The final conclusion indicates that the evolution of constitutional formulations reflects not only the diversification of Maghreb countries’ strategies, but also a fundamental ideological divide and a deliberate distancing of national identities. Genuine regional consolidation remains impossible without overcoming both these deep-seated contradictions and the key systemic barrier—the conflict over Western Sahara, for which there are currently no visible signs of resolution. In the foreseeable future, interaction will likely develop within a pragmatic, problem-oriented framework rather than through the implementation of large-scale supranational projects.

KEYWORDS: *Maghreb unity, regional Maghreb integration, the concept of the “Greater (Arab) Maghreb”, constitutions of the Maghreb states, Arab Maghreb Union (AMU).*

References

- Barnett M.N. (1998). *Dialogues in Arab Politics: Negotiations in Regional Order*. New York: Columbia University Press, 376 pp.
- Chitour Ch.-E. (1995). *Politics and the New International Oil Order*. Alger: Editions Dahlab, 597 pp. (in French).
- Hernando de Larramendi M., Thieux L. (2022). The Algeria-Morocco rivalry in a changing landscape. *Afkar ideas: Quarterly Journal for Dialogue Between the Maghreb, Spain, and Europe*. No. 67, pp. 38–41 (in Spanish).
- Ismael T.Y. (2004). *The Communist Movement in the Arab World*. 1st ed. London: Routledge, 224 pp. DOI: 10.4324/9780203312315.
- Kovtunov A.G. (1998). *Problems of Integration of the Maghreb Countries (80s – mid-90s)*. Moscow: Institute for Israel and Middle East Studies, 194 pp. (in Russian). Available at: http://book.iimes.su/wp-content/uploads/1998/r98reg_1.pdf, accessed 07.01.2026.
- Lan Y. (2025). Discord between ‘Maghrebi brothers’: Morocco-Algeria interstate and intrastate conflicts, 1962–1964. *The Journal of North African Studies*. Vol. 31, no. 3, pp. 498–527. DOI: 10.1080/13629387.2025.2505875.
- Landa R.G. (1991). *From the Ruins of Carthage to the Peaks of Atlas*. Moscow: Nauka. GRVL, 163 pp. (in Russian).
- Legrenzi M. (2015). *The GCC and the International Relations of the Gulf: Diplomacy, Security and Economic Coordination in a Changing Middle East*. London: I.B. Tauris, 204 pp.
- Lowi M.R. (2009). *Oil Wealth and the Poverty of Politics: Algeria Compared*. Cambridge: Cambridge University Press, 248 pp.
- Miller S.G. (2013). *A History of Modern Morocco*. Cambridge: Cambridge University Press, 306 pp.
- Novikov M.S., Novikov S.V. (2019). Colonial policy of Morocco and Mauritania in Western Sahara: geopolitical and military aspects. *Omsk Scientific Bulletin. Series “Society. History. Modernity”*. No. 4, pp. 35–44 (in Russian).
- Podgornova N.P. (2016). *The Maghreb Countries in Search of the Optimal Path of Development (Collection of Articles)*. Moscow: Institute of the Middle East (in Russian). Available at: <http://book.iimes.su/wp-content/uploads/main/281Podgornova2016.pdf>, accessed 07.01.2026.

Ryan C.R. (2009). *Inter-Arab Alliances: Regime Security and Jordanian Foreign Policy*. Gainesville: University Press of Florida, 264 pp.

Sapronova M.A. (1999). *Politics and the Constitutional Process in Algeria (1989–1999)*. Moscow: Institute for Israel and Middle East Studies; Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 165 pp. (in Russian).

Silverstein P.A. (2013). The pitfalls of transnational consciousness: Amazigh activism as a scalar dilemma. *The Journal*

of North African Studies. Vol. 18, no. 5, pp. 768–778.

Veselov A.Yu. (2017). On the problem of regional integration in the Maghreb countries. *Institute of the Middle East* (in Russian), 7 February. Available at: <https://www.iimes.ru/?p=32437>, accessed 11.03.2026.

Zinin Yu. (2017). Berber Factor in North Africa: Common Features and Local Peculiarities. *Journal of International Analytics*. No. 1, pp. 42–51 (in Russian). DOI: 10.46272/2587-8476-2017-0-1-42-51.